

ЛИНГВИСТИКА

Субъекты и предикаты «русского мира»¹

© доктор филологических наук Д. Б. Гудков

В семиологии достаточно много внимания уделялось комплексному описанию “переменных”, которые, с одной стороны, задаются определенными предикатами (функциями), а с другой – сами задают эти предикаты (функции). Ю. С. Степанов, рассматривая историю данного вопроса, пишет: “ (...) При дальнейшем обобщении должна открыться определенная связь между типом “переменной” и типом связывающей эту переменную “предиката” (или “функции” в смысле Проппа). Иными словами, “типы персонажей” должны выступать носителями по крайней мере некоторых соответствующих им “типов предикатов (функций)” и, таким образом, в известном смысле “персонаж” и “функция” – одно и то же” [Степанов, с. 17]. Согласно данной концепции, “персонаж – естественный носитель сюжета” [Степанов, с. 18]. Скажем, такой персонаж, как *Колобок*, задает известный всем представителям русского лингвокультурного сообщества сюжет; то же может быть сказано и об *Иване Сусанине*, например, хотя в данном случае речь идет уже не о литературном персонаже в собственном смысле слова.

Данные положения оказываются чрезвычайно важными при исследовании ядерных компонентов русской когнитивной базы (определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает подавляющее большинство принадлежащих тому или иному лингво-культурному сообществу) и русского культурного пространства (формы существования русской культуры в сознании ее носителей, включающей в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у последних)², а также при попытке лексикографического описания означающих этих компонентов. Указанная работа давно ведется в рамках исследовательского проекта, получившего название “Русский мир”, и обращение к приве-

¹ Данная статья может считаться откликом на работу В. В. Красных, напечатанную в 16-м выпуске сборника “Язык, сознание, коммуникация”, развивает и дополняет некоторые из изложенных там положений, предлагает собственное видение некоторых проблем в рамках заявленного В. В. Красных подхода, который автор полностью принимает и поддерживает.

² Подробнее о диалектике взаимоотношений когнитивной базы и культурного пространства см., напр.: [Гудков, Красных].

денным выше теоретическим проблемам обусловлено самой практикой работы семинара “Текст и коммуникация” над словарем прецедентных феноменов.

Непротиворечивому лексикографическому описанию поддаются прецедентные имена, однако гораздо сложнее представить подобное описание для прецедентных текстов и прецедентных ситуаций, при этом практически во всех случаях словарная презентация имени оказывается невозможной без представления текста, из которого оно “пришло”, и тех прецедентных ситуаций, субъектом или объектом которых является носитель этого имени. Иными словами, возникает необходимость описывать те “сюжеты”, которые имя актуализирует при своем употреблении непосредственно (эксплицитно) или потенциально (имплицитно), ср.: *Тарас Бульба* – убийство сына, *Дон Кихот* – бой с ветряными мельницами, *Архимед* – “Эврика!” и т. д. и т. п. Прецедентное имя, таким образом, выступает не только как имя, актуализирующее определенный комплекс характеристик (*Обломов, дядя Степа, Илья Муромец*), но и как имя, задающее определенный ряд прецедентных ситуаций (*Колумб, Хлестаков, Золушка*).

В других наших работах мы достаточно подробно писали об “эталонности” прецедентных имен, о том, что их денотаты представляют собой пантеон “героев” и “злодеев”, задавая тем самым определенную ценностную парадигму и те модели поведения, которым рекомендуется / запрещено следовать³. Заметим, что подобные имена задают еще и определенные “сюжеты”, типизированные ситуации, в которых эти модели находят свою реализацию. “Мир типизируется не в форме предикатов и даже не в форме событий “в чистом виде”, а в форме индивидов; событие, если оно типизируется и приобретает обобщенную форму, приурочивается к какому-либо лицу” [Степанов, с.18].

Высказанные выше положения приводят нас к постановке вопросов, имеющих не только теоретическое, но и важное практическое значение: возможно ли описание тех констант русского культурного пространства, тех “культурных предметов”, которые задают и структурируют это пространство⁴, может ли описание этих базовых субъектов выявить базовые предикаты русской культуры, ее “сюжеты”, обусловленные ею модели поведения? Мы в настоящий момент не имеем достаточного количества данных, чтобы настаивать на положительных ответах на эти вопросы, но надеемся со временем представить подобные

³ См., напр.: [Гудков, с.25 и след.]

⁴ Мы согласны с Е. С. Яковлевой, которая, опираясь на идеи таких ученых, как М. Хайдеггер и В. Н. Топоров, говорит о “диктате вещей при восприятии и описании пространства”, о том, что “не существует такого пространства, которое было бы независимо от вещей” [Яковлева, с.38].

данные и полагаем, что существует относительно ограниченный круг “субъектов”, которые образуют “несущие опоры” русского (в нашем случае) культурного пространства. Каждый из подобных “субъектов” оказывается ядром определенной фрейм-структуры, т. е. “когнитивной единицы, формируемой клише / штампами сознания и представляющей собой “пучок” валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций” [Красных 98, с. 119]. Именно подобные “субъекты” и задают эти валентные связи.

При обращении к указанным проблемам мы неизбежно должны коснуться вопроса о соотношении языка, сознания и мышления. В других своих работах мы уже излагали свою точку зрения по данному вопросу⁵, поэтому здесь позволим себе быть предельно краткими и заметим, что мы в целом принимаем концепцию ментально-лингвального комплекса В. В. и А. В. Морковкиных (см. [Морковкин, Морковкина 94] и [Морковкин, Морковкина 97, с. 9-31]) и считаем продуктивным использование введенного этими учеными термина “информемы”, под которым они понимают “информационные сгущения, с помощью которых благодаря языку осуществляется мышление и функционирует сознание” [Морковкин, Морковкина 97, с.22]. “Будучи выделенной в мыслительной деятельности как некоторое информационное сгущение, информема всегда и неизменно стремится выйти в светлую зону сознания и таким образом заявить о своем существовании. (...) Информема, прошедшая через первичный семиозис, – это именованная информема или концепт. (...) Язык связывает людей в этническую общность через концепты” [Морковкин, Морковкина 97, с. 23-24]. Мы согласны с приведенными словами, хотя полагаем, что лучше говорить не об этнической, а о лингво-культурной общности.

Нам представляется, что понятие “информема” соотносится с понятием “ментефакт” в интерпретации В. В. Красных, которая указывает, что “ментефакты суть элементы “содержания” сознания, ментальные образы и понятия; (...) будучи таковыми, ментефакты составляют “плоть и кровь” национального культурного пространства” [Красных 01, с. 9]. “Скелетную” структуру ментефактов предопределяют именно базовые “субъекты” национальной культуры, задающие обязательные и предсказуемые связи, пронизывающие и скрепляющие все “поле” культуры.

Остановимся теперь на вопросе о том, какие же именно “субъекты” в нашем понимании обладают статусом базовых и какие вербальные единицы выступают как их означающие. Прежде всего назовем прецедентные феномены, о которых уже написано достаточно много (см., напр., указанные работы В. В. Красных и автора этих строк, а также

⁵ См., напр.: [Гудков, с.9-23].

статьи И. В. Захаренко). Кроме того, в эту группу могут быть отнесены стереотипные образы⁶, означающими которых могут выступать некоторые зоонимы (*медведь, волк, лиса, крыса, петух* и др.), этнонимы (*немец, француз, чукча, грузин* и др.), названия представителей определенных профессий и родов деятельности (*учительница, милиционер, предприниматель, журналист* и др.). Как комплексный концепт, задающий пространственные, временные, качественные и др. ориентиры выступает человеческое тело в целом, носитель соматического кода культуры, и семиотически маркированные названия частей тела (*нос, плечо, рука, глаз, зубы* и др.). Приведенный список вовсе не претендует на полноту, в настоящий момент мы не готовы представить конечный набор структурирующих русское культурное пространство предметов (позволим себе выразить сомнение в самой возможности представления подобного набора). Однако мы полагаем, что тщательное исследование семантики и функционирования вербальных единиц, именуемых указанные “субъекты”, позволит существенно приблизиться к описанию и анализу стоящих за ними концептов, а через них и к описанию ключевых концептов национальной культуры, выраженных такими абстрактными именами, как, например, *грех, совесть, судьба* и др. Результаты этих исследований позволят нам подойти к анализу специфики русского культурного пространства, причем анализ этот будет опираться на конкретные факты языка (следовательно, и сознания), а не на абстрактные спекулятивные рассуждения, в изобилии появляющиеся в последнее время. Описание специфики русского культурного пространства чрезвычайно важно как для активно развивающегося сопоставительного изучения культур, так и для самоидентификации русского лингвокультурного сообщества, в чем последнее нуждается, на наш взгляд, сегодня как никогда.

В заключение хотим сказать, что данные заметки, конечно, нельзя рассматривать в виде полноценного обоснования научного проекта, они носят предварительный характер и могут считаться заявкой на подобное обоснование, обозначением общего вектора наших дальнейших исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Гудков – Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
2. Гудков, Красных – Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2. М., 1998.

⁶ “Под стереотипом мы понимаем некоторую структуру, представленную инвариантной совокупностью предсказуемых валентных связей, репрезентирующих национально маркированный концепт предмета” [Захаренко, Красных, с.45].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. — Вып. 18. — 132 с. ISBN 5-317-00268-0

3. Захаренко – Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997.
4. Захаренко, Красных – Захаренко И. В., Красных В. В. К вопросу об образе политического деятеля, или золотая рыбка в парламенте // Политический дискурс в России – 2. М., 1998.
5. Красных 98 – Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
6. Красных 01 – Красных В. В. Точки над і или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 16. М., 2001.
7. Морковкин, Морковкина 94 – Морковкин В. В., Морковкина А. В. Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. 1994, № 4.
8. Морковкин, Морковкина 97 – Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
9. Степанов – Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М., 2001.
10. Яковлева – Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.